

(«Описание моего владения»). Обращение к подобной форме диктовалось разными причинами, точно так же, как по-разному сказывалось в этих произведениях ощущение адресата, или «учет отсутствующего собеседника», по терминологии М. Бахтина.

[«Письмо о Китайском торге»] с самого начала мыслилось Радищевым как письмо к А. Р. Воронцову.³¹ О китайской торговле Радищев не имел определенного мнения («Противовеса все выгоды и неудобства, случающиеся при торге Кяхтинском <...> не возьму на себя сделать заключение в ту и другую сторону» — II, 35), знал он и то, что позиция его корреспондента четкая, ясная (см. письмо от 17 февраля 1792 г.: «Илимск не оживится от торга с китайцами, как ваше сиятельство склонны были полагать» — III, 430). Избранная им форма всего более отвечала характеру «мимоходящих <...> рассуждений», а не «достоверных следствий верных посылок» (II, 35), ибо она позволяла взвесить все «за» и «против», ввести собеседника в свои сомнения, заставить его следить за движением своей мысли («Обратимся теперь к китайским товарам» — II, 30), сделать его участником спокойного, деликатного разговора («Простите мои заключения, я не за очевидности их выдаю, но за догадки» — II, 18).

Страстные, взволнованные обращения к «друзьям», «возлюбленным», с кем «нечаянное <...> преселение в страну отдаленную» разлучило (II, 39), вторгаются и в философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», являясь «функцией определенного художественного замысла: Радищев построил свою книгу не как сухую академическую диссертацию, а как живую речь, беседу с читателем».³² Истоки этой манеры Г. А. Гуковский справедливо связывает и с традицией «философских писем», и с осуществлением давнего «намерения поучать своих детей на расстоянии» (см. письмо А. Р. Воронцову от 8 марта 1791 г.).

³¹ Вызывает недоумение комментарий Н. А. Финкельштейн: «... форма письма придана этому трактату условно» (II, 360). Но ведь сам Радищев свидетельствует: «Я все более и более укрепляюсь во мнении, что кяхтинский торг поднимает цену на некоторые товары только случайно, и это могло бы также явиться подтверждением моего суждения, противного общепринятому, которое я высказал в одном из писем к вашему сиятельству <...> (см. письмо А. Р. Воронцову от 17 февраля 1792 г., — Р. Л.). Я обещал прислать пояснение, и вот уже более полугодом, как письмо мною написано; но, поскольку оно значительно превосходит размеры обычного письма, я полагаю, что не должен затруднять ваше внимание кучей подробностей <...> Тем не менее, желая выполнить свое обязательство, пусть с опозданием <...> я прилагаю к сему краткое содержание моего длинного и скучного письма» (III, 471—472 — письмо А. Р. Воронцову, конец 1794 г.). Это признание Радищева позволяет выразить некоторые сомнения в существующей датировке [«Письма о Китайском торге»]. Действительно ли оно было написано в 1792 г.? Ведь говорит же сам Радищев: «... и вот уже более полугодом, как письмо мною написано». Не правильное ли отнести дату создания трактата к 1794 г., поверив самому автору?

³² См. комментарий Г. А. Гуковского к трактату в кн.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II, с. 375.